

ЭЙХФЕЛЬД Иоган Гансович

Из всех соратников Н. И. Вавилова одним из наиболее заслуженных и достигших больших государственных постов и ученых званий был И. Г. Эйхфельд. Уже в 1935 г. он стал академиком ВАСХНИЛ, в 1940–1951 гг. — директором ВИР. С 1946 г. он академик Академии наук Эстонской ССР, в 1950–1968 гг. — ее президент, с 1953 г. — член-корр. АН СССР. В 1958–1961 гг. И. Г. Эйхфельд — Заместитель Председателя Верховного Совета СССР и Председатель Верховного Совета Эстонской ССР. Был удостоен многих, в том числе высших государственных наград: Героя Социалистического Труда (1963), шести орденов Ленина (1935, 1949, 1950, 1954, 1958, 1963), двух орденов Трудового Красного Знамени (1945, 1953), ордена Октябрьской Революции (1973), ордена Дружбы народов (1983), двух орденов «Знак Почета». В 1940 г. ему была присуждена Большая золотая медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), а в 1942 г. — Сталинская премия первой степени за общеизвестные работы по теории и практике земледелия на Крайнем Севере СССР.

И. Г. Эйхфельд родился в 1893 г. в семье безземельного крестьянина Эстляндской губернии, в городе Вейсенштейне (ныне Пайде, Эстония). Учился сначала в сельской школе, потом в городском училище. После учебы в 1910 г. поступил на работу в почтово-телеграфное ведомство. В Первую мировую войну 1914 г. был призван в армию и вовлечен в активную революционную деятельность. В 1917–1918 гг. состоял в партии левых эсеров, однако разумно решил продолжить образование в Петроградском сельскохозяйственном институте, который окончил в 1923 г. Во время обучения там слушал лекции Н. И. Вавилова и, по всей вероятности, под их влиянием в том же году поступил на работу в Государственный институт опытной агрономии (ГИОА)¹. С тех пор его научная, административная и хозяйственная карьера связана с Крайним Севером, Кольским полуостровом. Там он уже достаточно освоился, т. к. служил тут во время войны, был делегатом съездов и секретарем Исполнительного комитета солдатских, а потом и крестьянских депутатов. Обладая деятельным общественным темпераментом и организационными способностями, был командирован туда по запросу Мурманской железной дороги, правление которой задумало организовать здесь сельскохозяйственный опорный пункт для снабжения продуктами мест-

ного населения и приезжих, работавших на только что открытых в Хибинах богатейших залежах апатитов. И. Г. Эйхфельд выбрал очень удачное место для опорного пункта на берегу озера Имандра. Если сначала перед Хибинским сельскохозяйственным опорным пунктом, заведующим которого стал И. Г. Эйхфельд, стояла сугубо практическая задача — выяснить, какие культуры можно выращивать в местных климатических условиях, то Н. И. Вавилов сразу глобально расширил ее, поставив целью разработку научных основ продвижения советского земледелия на север. Если И. В. Мичурин продвигал туда садоводство, то Н. И. Вавилов — растениеводство в целом, оказывая северянам всестороннюю поддержку. В 1930 г. пункт был преобразован сначала в отделение, а затем в Полярную опытную станцию ВИР. Небольшой опорный пункт превратился в научно-исследовательское учреждение союзного значения. Все это время с 1923 по 1940 г. директором был И. Г. Эйхфельд. Он стал в 1923–1930 гг. заведующим Хибинского сельскохозяйственного опорного пункта, а с 1930 г. директором Полярного отделения, а после реорганизации директором Полярной опытной станции ВИР вплоть до 1940 г., когда, вскоре после ареста Н. И. Вавилова, был утвержден директором института.

Становление И. Г. Эйхфельда как крупного ученого и организатора науки происходило под непосредственным влиянием Н. И. Вавилова. Об этом свидетельствуют многие письма Николая Ивановича, направленные ему. Из них стоит полностью воспроизвести письмо от 18 мая 1931 г.: «Дорогой Иоган Гансович! Прочитал Вашу записку „Проблемы земледелия на Крайнем Севере“, мне она очень понравилась. Идол Вы этакий, что Вы не пишете, стиль и перо имеете, знания тоже толику малую, надо писать, надо оформить, надо лед пробить. Осенью к 1 октября должна быть сдана книжка „Проблемы земледелия на Крайнем Севере“, полтора листа печатных страниц с фотографиями; достижения Хибин, мысли, соображения, факты, параллели с Аляской, Норвегией. Каждый день так же, как обедаете и чай пьете, должны по 3 часа писать. Ложась спать, по Марку Аврелию, спрашивайте: написал ли? Помните, что Вы полпред Севера Всесоюзного ныне, а в будущем — Всемирного института растениеводства. На Вас скоро будут смотреть с двух полюсов»². Очень большое письмо

¹ Реорганизован в конце 1929 г. во Всесоюзный институт растениеводства — ВИР.

² Научное наследство. Т. 10. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1929–1940 гг. М.: Наука, 1987. С. 120, 133, 135.

Н. И. Вавилова от 11 ноября 1931 г. В нем изложена по существу вся научная программа работ на Полярной станции, завершается оно так: «Словом, ждем от Вас новых, еще больших подвигов и, конечно, оформления старых подвигов прежде всего»³.

Из всего этого видно, какое исключительно серьезное значение придавал Н. И. Вавилов развитию земледелия в Заполярье и вообще в северных регионах страны, сопоставляя их с Аляской, Норвегией, Швецией, где ему доводилось бывать. Эйхфельд также был командирован в страны Скандинавии для ознакомления с опытом работ зарубежных ученых. Н. И. Вавилов неоднократно навещал Полярную опытную станцию ВИР, отдавая должное всему интересному с точки зрения науки, высоко оценивая работу И. Г. Эйхфельда как ее руководителя. Особый упор делался на практические результаты работы, важность продвижения основных сельскохозяйственных культур на Крайний Север, учитывая начавшееся промышленное освоение минеральных богатств Кольского полуострова и налаживание Великого Северного морского пути в Ледовитом океане. Упреки, нередко предъявляемые Вавилову и его институту, в академическом отрыве от практических нужд страны, были особенно несправедливы в отношении той поистине, как теперь говорят, инновационной работы, которая была развернута в то время на Полярной станции. В итоге она все же была по заслугам оценена правительством, судя по тем почестям и наградам, которых был удостоен ее директор, чего не скажешь о самом Н. И. Вавилове, приложившем столько ума и сил в ее научном и хозяйственном становлении. В 1933 г. в своем приветствии к 10-летию станции Н. И. Вавилов писал И. Г. Эйхфельду: «Невзирая ни на какие трудности создано большое прекрасное дело. За Полярным кругом началась сельскохозяйственная культура, Полярное отделение во главе с Вами, при Вашем самом активном участии с полным правом является основоположником полярного земледелия»⁴.

После ареста Николая Ивановича перед лысенковским ВАСХНИЛ встал весьма остро вопрос, кого поставить на его место. И тут Лысенко поступил достаточно умно и расчетливо, выдвинув на этот пост И. Г. Эйхфельда, человека в стране известного, заслуженного, имевшего к тому же большой опыт руководства одним из самых важных подразделений института. Мало известно, какие первые шаги были предприняты новым директором, больше известно в каком поверженном, осиротелом состоянии коллектив ВИР тогда пребывал. Сведения о каких-то чистках в институте не совсем достоверны, некоторые сотрудники покинули его сами под тяжелым впечатлением и влиянием происшедшего. Скорее всего, особо проявить себя на этой должности И. Г. Эйхфельд не успел. Вскоре грянула война, и тут настало время жестоких испытаний для всех. К великому сожалению, провести организованную эвакуацию всей коллекции и оборудования не успели, хотя часть сотрудников и коллекционных образцов удалось

переправить на Урал, в Красноуфимск. Туда же отправился и директор. Много известно о жертвенном подвиге оставшихся в блокадном Ленинграде сотрудников при спасении коллекции, довольно мало — о работе ВИР в эвакуации, хотя все, кто там оказался, трудились также не в легких условиях, делали все для обеспечения тыла и фронта продовольствием. Роль И. Г. Эйхфельда в этом была, очевидно, высока, о чем свидетельствует одна из наград — орден Трудового Красного Знамени в 1945 г. В эвакуации была организована широкая помощь сельскохозяйственным учреждениям и колхозам по укреплению и развитию картофелеводства и овощеводства, зернового хозяйства. Лично И. Г. Эйхфельдом предложены меры по борьбе с засорением полей овсягом.

При возвращении в Ленинград уже в 1944 г. перед институтом стала тяжелейшая задача по восстановлению всего разрушенного и утраченного. Директору выпала также нелегкая и особо ответственная работа. Приходилось восстанавливать не только разоренные немецкими оккупантами станции, но и оказывать помощь сельскому хозяйству Ленинградской области, также сильно пострадавшему. Однако первые послевоенные годы в стране, в том числе в научной сфере, были связаны не только с этим. Обострилась борьба среди ученых-биологов за признание или не признание основ классической генетики, которую Лысенко и его сторонники считали ложной, формальной, а придерживающихся ее открытий и законов «вейсманистами-менделистами-морганистами». Были и более резкие прозвища. Правда, и лысенковцы носили ярлыки ламаркистов или механо-ламаркистов. Все это не выходило бы за рамки острых научно-философских дискуссий и полемики, если бы не административный диктат Лысенко и лично Сталина, придававших всему политический характер и не терпящих возражений от ученых иных взглядов. В 1948 г. на печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ состоялся разгром отечественной генетики как науки с вытекающими тяжелыми последствиями для тех, кто ею занимался и не отрекся от ее основ. И. Г. Эйхфельд выступил на сессии с лысенковских позиций, однако речь его была достаточно взвешенной и не содержала каких-либо крайностей в отношении научных оппонентов⁵. В этом отношении более показательна речь П. М. Жуковского, выступившего ярко как защитник классических основ науки, но в последний день вынужденный от них отречься, проявивший себя подобно Галилею под давлением инквизиции, а в данном случае государственного и партийного руководства. Это ему зачлось, и в 1951 г. он был назначен директором ВИР, пришедшим на смену Эйхфельду, руководившему институтом более 10 лет и не в самые легкие для страны и института годы, сохранив его.

Уход И. Г. Эйхфельда связан, скорее всего, с какой-то ротацией кадров, а главное с тем, что его востребовала Эстония, имевшая в его лице наиболее авторитетного и известного ученого эстонского происхождения. Именно здесь он добился наиболее

³ Там же. С. 120, 133, 135.

⁴ Полярная правда. Мурманск, 1933. 18 ноября. [по Лехновичу].

⁵ О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 31 июля — 7 августа 1948 г. М.: Огиз — Сельхозгиз, 1948. С. 52–58.

высоких постов и наград, однако, прежде всего, как госчиновник высшего ранга. Главный пик его научной карьеры — это, конечно, работа директора Полярной опытной станции ВИР, которой он отдал 17 лет, и заслуга его в ее достижениях велика. Конечно, очень большая и не до конца оцененная роль при этом была Николая Ивановича Вавилова, самым активным соратником которого был в это время Иоган Гансович Эйхфельд.

И. Г. Эйхфельд ушел из жизни в 1989 г., скончался в Таллине.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ И. Г. ЭЙХФЕЛЬДА

Селекция у полярного круга / И. Г. Эйхфельд // Тр. по прикл. ботанике и селекции. Л.: ВИПБиНК, 1925. Т. 14, вып. 5. С. 143–149.

Проблемы земледелия на Крайнем Севере / И. Г. Эйхфельд // Советский Север. 1931. № 5.

10 лет работы по продовольственной проблеме Крайнего Севера / И. Г. Эйхфельд // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. Сер. 15, Северное (приполярное) земледелие. Л.: ВИР, 1934. Вып. 4: Проблемы северного растениеводства. С. 3–46.

Сельскохозяйственная наука на Крайнем Севере / И. Г. Эйхфельд // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. М., 1937. № 4. С. 30–50.

Опыт борьбы с овсюгом в Свердловской области / И. Г. Эйхфельд // Докл. ВАСХНИЛ. 1944. № 2/3. С. 9–22.

Мировые ресурсы возделываемых растений — на службу социалистическому земледелию / И. Г. Эйхфельд // Селекция и семеноводство. М., 1945. № юбил. С. 76–79.

ИСТОЧНИКИ

Личное дело И. Г. Эйхфельда // Архив ВИР. Оп. 2. Д. 1410.

Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1929–1940 гг. / АН СССР [и др.]. М.: Наука, 1987. С. 120, 131, 132, 133, 137, 163, 182, 302, 321, 324, 325. (Научное наследство: сер. осн. акад. Н. И. Вавиловым; т. 10).

О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 31 июля – 7 августа 1948 г. М.: Сельхозгиз, 1948. С. 52–58.

Э. В. Трускинов

